

ДОППО КУНИКИДА

ВЕСЕННЯЯ ПТИЦА

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.521-82
ББК 84(5Япо)я44
К91

Серия «Эксклюзивная классика»

Перевод с японского *В. Островской*

Серийное оформление *А. Фереза, Е. Ферез*

Дизайн обложки *В. Воронина*

Куникада, Доппо.

К91 Весенняя птица : [сборник] / Доппо Куникада ; [перевод с японского В. Островской]. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 288 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-179253-4

Доппо Куникада прожил короткую, но насыщенную жизнь, на которую пришлось и становление эпохи Мэйдзи, и отказ от традиций, сохранявшихся тысячелетиями. Потому и в прозе автора сквозной нитью проходят такие темы, как потерянности человека в окружающем мире, крах сокровенных надежд, ностальгия по ушедшим временам, разочарование в современной цивилизации и полное бессилие перед судьбой.

В это издание вошли рассказы «Весенняя птица», «Два старика», «Фаталист», «Женщина из Камакуры» и другие известные произведения автора. Многие публикуются на русском впервые!

УДК 821.521-82
ББК 84(5Япо)я44

© Перевод. В. Островская, 2025
© ООО «Издательство АСТ», 2026

ПОЛИЦЕЙСКИЙ

Некоторое время назад я завел знакомство с одним полицейским по имени Ямада Сэнтаро, высоким статным крепким мужчиной лет тридцати пяти.

Я не очень хорошо разбираюсь в людях и, глядя на его круглое лицо с черными усами и бородой, большими глазами и крупным носом, не назвал бы его обходительным человеком, но на самом деле среди таких людей часто встречаются славные малые, и этот полицейский был как раз из их числа.

Будь он угрюмым, его внешность казалась бы неприятной. Однако он много говорил и смеялся, а глаза его, когда он улыбался, лучились добродушием. Во время разговора он будто не обращал внимания на стеснение собеседника, и это производило совсем иное впечатление. Услышав от такого человека что-то совершенно неожиданное два или три раза, задумываешься, может ли вообще кто-то ненавидеть его.

Однажды он под предлогом того, что назавтра ему не надо на службу, весьма настойчиво позвал

меня в гости, и около часу дня я пришел к нему домой.

— Ты обязательно заходи. У меня, конечно, ничего особо нет, но дни нынче холодные... Поболтаем за вот этим делом, — и он показал рукой, как будто опрокидывает стопку.

Он занимал одну из комнат во втором этаже лавки, где торговали мебелью. Поднявшись по узкой тесной лесенке сбоку от лавки, я сразу же наткнулся на соломенные мешки с углем. Рядом в углу, похожие на жабу, покоились башмаки, а над ними, словно на страже, висилась толстая палка, видимо, трость. Рядом, судя по всему, был кабинет, из которого доносился тихий голос, декламирующий стихи. Я прошел через полутемную переднюю с дощатым полом, и в самом ее конце и оказалось жилище полицейского Ямады.

— Хорошо, что ты пришел. Давай заходи, садись сюда, — с этими словами он быстро поднялся с места, вытащил из шкафа дзабутон и кинул его возле жаровни.

Мы сразу же выпили и через какое-то время изрядно захмелели.

— Такая вот она, одинокая жизнь. Сам смотри: теснотища, все хозяйство в одной комнате, чистый свинарник, как есть свинарник... — говорил он, озираясь по сторонам, будто что-то искал, и вдруг залпом осушил стоявшую перед ним стопку.

Я взял у него стопку и поставил на низкий столик. И правда, комната была маленькой, но чисто убранной. В помещение был втиснут стенной шкаф, дверцы которого, оклеенные бумагой, явно не раз чинили; стены все изрисованы, циновки

почернели, бумажные ставни на окнах покрыты сажей — да, комната и правда производила гнетущее впечатление, но все в ней находилось на своих местах. Почему же сразу свинарник?!

Под окном стоял стол, справа от него — книжная полка, рядом — жаровня и подле нее — низенький столик, у стены — комод, сделанный так, чтобы в него не забирались мыши, над ним — навесная полка. Все было старое, но держалось в чистоте; табакерка, шкатулка для сладостей, баночка с чаем, посуда, книги в футлярах — все было аккуратно расставлено, а на книжной полке разместились три-четыре горшка с карликовыми деревцами.

— Сразу видно полицейского, у вас очень чисто, — сказал я, возвращая ему стопку.

— Ха-ха-ха, ну не так уж тут и убрано, но такая у меня натура. И характер паршивый. Не нравится мне, когда кто-то за меня что-то делает, не могу. Особенно посуда — прямо тошно, когда ей кто-то другой занимается, приходится все самому делать...

— Да у вас самый подходящий характер, чтобы жить одному, ха-ха-ха!

— И то правда. У меня на родине и жена есть, но я ее сюда не зову. И одному хорошо.

— Так у вас и жена есть? Вот как! А я думал, вы тут живете из любви к холостяцкой жизни. И дети есть?

— Есть. Сын, пять лет ему. Но одному все-таки жить легче, — сказал он и выпил еще одну стопку. — Но я сюда жену не зову по другой причине.

— Уж не знаю, какая у вас причина, но раз уж у вас есть жена и сын, неужто вам и правда не по душе жизнь у семейного очага? Не скучаете по ним?

— Да не сказал бы, что совсем не скучаю, но я и сам иногда к ним приезжаю, и жена время от времени заглядывает; теперь-то удобно, что на поезде всегда можно на денек туда-сюда съездить. Не волнуйся, у меня и постель на двоих заготовлена, ха-ха-ха...

— Ха-ха-ха, но ведь если б вы сразу на этом остановились, не было бы у вас ни жены, ни сына.

— Да ты угощайся, тут ничего особенного, но вот бобы есть, мандарины...

На столике и правда были выставлены вареные бобы, соленая сельдьная икра, мандарины и маринованный осьминог. В вазе, подвешенной на подпорный столб, стояли сосновые ветки, в окно с западной стороны заглядывало зимнее солнце, лицо хозяина покраснелось, а глаза затуманились — вполне новогодняя картина.

Доставая из котелка, заранее поставленного на переносную печку, бутылку с сакэ, хозяин сказал:

— Да уж, одному живется легче. Давайте по одной, пока еще горячее... Так я ведь и женился не потому, что хотел. Меня сговорили примачом в семью жены, а если бы не это, так я бы до сих пор жил один. Да и вообще, когда ты полицейский, мечтать о том, чтобы завести жену и детей, — дело сложное, сложнее, чем змее через веревку переползти. Видел когда-нибудь, как змея переползает через веревку? Я как-то раз видел. Я тебе имя не назову, но у меня один из товарищей на службе живет с женой, тремя детьми и матерью — ох и тесно же им живется, прямо поражаюсь. Но он и не пьет, и не курит. Такие скорее исключение. Я так никогда не смогу.

— Однако хоть у вас жена и в деревне, она же все равно у вас есть. Разве это не то же самое? Бедная ваша жена, если не может с вами жить.

— Ха-ха-ха, так ты на стороне жены? Нет, не то чтобы я сам о ней не заботился. В деревне у нас кое-какое имущество, да и родители у нее еще живы, так что ей там как раз жить куда удобнее. Да и мне нравится моя служба, иначе я бы уже все бросил и перебрался в деревню, от голода мы бы точно не умерли.

— Хорошо вы живете!

— И верно, хорошо. Я так могу сакэ у Исидзаки хоть бочонками брать и пить сколько влезет. Саваноцуру тоже неплохо, но оно сладковатое, а мне бы наоборот, что порезче на вкус. А вот про крепленое, что в кабаках подают, ничего сказать не могу, — начал он сравнивать сорта сакэ, но, судя по всему, крепленое действовало на него слишком сильно.

— Ну так как, у тебя небось какой-то секрет есть.

— У меня? Да у меня-то никакого — выпил да сплю, меня сразу в сон клонит.

И правда, он казался сонным, и глаза его совсем затуманились.

— Вот я если бы умел писать так, как ваша братия, я бы хотел одну штуку написать, да вот никак! — он какое-то время помолчал, сидя с закрытыми глазами, и вдруг широко улыбнулся. — Вот что! Я тут кое-что показать хотел.

Он достал из ящика стола несколько исписанных листов бумаги и протянул мне один из них. Текст, написанный на камбуне, был озаглавлен «Полицейский устав».

— «Самое важное в полицейском уставе — его безупречность, — начал зачитывать он, покачиваясь всем телом. — Улаживать дела должно, основываясь на нем...» Как оно?

— Согласен, согласен.

— «Делай все возможное, не думая о славе, а если достигнешь ее — следуй уставу. Посему...» Как тебе?.. «...Посему денно и ночью надлежит трудиться и разрешать все дела, стойко переживать все невзгоды и помнить, что добиться успеха не значит стать высшим из высших».

— Да вы, кажется, засыпаете.

— Ха-ха-ха, нет, ты дальше послушай. «Устав сам по себе не дает решения всем делам, не ведет к успеху; постоянно следует видеть и слышать то, что еще не имеет формы, чтобы действовать на упреждение, поэтому происходит что-то или нет, следует самому разрешать вопросы, притом действовать, не думая о славе, и улаживать дела самым простым и надежным способом...» Достойное рассуждение, а?! «Поэтому истинно идущие до конца на пути полицейского не имеют ни славы, ни власти, ибо слава их непостижима человеку; глупцу не понять, отчего существуют такие люди. Мудрые говорят, что человек не может существовать без еды и пищи, но мало кто знает их истинный вкус!» Слог у меня не очень, но как тебе замысел?

— И слог хорош, и замысел достойный!

— «Слава их непостижима человеку; глупцу не понять, отчего существуют такие люди», ха-ха-ха... — этой строкой он явно особенно гордился. — Пришлось выпить, чтобы набраться смелости зачитать это тебе. Давай еще, пока не остыло?

— Мне уже хватит! А еще что у вас есть интересного, стихи например?

— И стихи есть, только они совсем уж ученические, но две-три дюжины точно найдутся, — он достал несколько аккуратно исписанных листов графленой бумаги. — Нет, тебе такое лучше не показывать, сам зачитаю один или два. Да все дрянные, может. Вот экспромт весенним вечером:

Под луною в тумане
Я уснул под хмельными цветами
И проснулся от ветра ночного,
Погребенный под их лепестками...

Как тебе? Что-то еще такое было у Симода Утако... Как же там было, забыл уже. Вроде бы это был перевод, но мне все равно с ней не сравниться. Какие же у старушки — грубо так, конечно, говорить — хорошие стихи!

Пошатываясь, он еще раз продекламировал свой экспромт и продолжил:

— Вот еще одно есть, называется «Взгляд вельможи»:

Глубокой ночью
Вельможа молит о печали,
Но, глядя в завтрашний день,
Заново крепнет духом.
Понося человека,
Что не знает жены и любви,
Покрывает себя
Сором из бороды урода.

А вот это как? Это мы как-то сопровождали одного министра, я тогда и придумал про сор из бороды урода.

— Давайте еще что-нибудь.
— Сейчас, — он еще раз просмотрел рукопись
и вдруг начал читать:

Знакомые горы
Так изменились с годами!
Из-за грошей
Я покинул родные края
И пока что еще не понял
Своей ошибки.
От сна о богатстве и славе
Меня пробудит кукушка,
Сзывая сестер
Эхом песни своей...

Ха-ха-ха, да тут я, кажется, случайно высказал
то, что у меня на душе!

— Ха-ха-ха, и правда, высказали!

Ямада тоже расхохотался, но вдруг замолчал
и сидел какое-то время, глядя в пустоту, как будто
в полусне.

— И правда, так жить легче! — вдруг громко
воскликнул он, распахнув глаза, потом глянул на
меня, широко улыбнулся и тут же снова задремал.

Я некоторое время посидел неподвижно, но
мне стало жалко его будить, и я потихоньку вышел
из комнаты.

В четырех-пяти кэнах вниз от мебельной лавки
есть перекресток; когда я дошел до него и обер-
нулся, то увидел, что из окна во втором этаже
высунулось бородатое лицо Ямады. Он отвесил мне
поклон.

Тогда-то я понял, что окончательно привязал-
ся к этому полицейскому.

ПИСЬМО ИЗ ЮГАВАРЫ

Дорогой Утияма-кун!

Прежде всего хочу ответить на твой вопрос, почему я так неожиданно сбежал. К сожалению, я должен кое в чем признаться тебе. Возможно, в некотором смысле в этом заключается мое счастье, но в душе я сейчас совершенно точно несчастен и, наверное, только потом пойму, как мне на самом деле повезло. Но даже если я об этом так и не узнаю — ничего, сейчас я просто не желаю ничего чувствовать.

«Есть одна девушка», — сколько повестей начинается таким образом, и критики капризничают, заявляя, что уже сыты по горло рассказами о любви, но для самих молодых влюбленных все и в реальности начинается именно так, тут ничего не поделать. Благодарение Богу за то, что он сотворил и меня, и все человечество не для того, чтобы потакать требованиям критиков.

Минувшей ночью, тринадцатого числа, я в одиночестве сидел за столом, погруженный в размышления. Был уже одиннадцатый час, в доме все спа-

ли, снаружи лил дождь. У меня нет ни родителей, ни братьев и сестер, и такие вечера не вызывают у меня особенных чувств, к тому же я живу в пансионе, поэтому одной строфой: «Ночей бессонных годы при свече прольются в душу благодатью в одночасье» — тут не обойдешься. Для начала представь, что я неподвижно сидел и смотрел на абажур лампы с таким лицом, словно вот-вот собирался заплакать.

Вдруг я вспомнил об О-Кину; О-Кину, О-Кину, ты и сама еще не знаешь, что твое имя для меня значит. Не только ты — никто из моих друзей пока даже не подозревает, как глубоко, нежно и покойно отзывается во мне звук твоего имени. «Есть одна девушка, по имени О-Кину», — специально напишу я крупным почерком на радость критикам.

Стоило мне о ней вспомнить, и я не мог сдерживать переполняющей меня любви, желания увидеть ее, встретиться с ней. Что бы ты мне ни говорил, это правда, с этим ничего не поделаешь. Мне показалось, что в этом мире единственный человек, который меня любит, и единственный, которого люблю я, — эта девушка. Должно быть, это и значит витать в облаках. Но почему любовь к природе мы считаем чистой и возвышенной, а любовь к женщине (к человеку) — это непременно «витание в облаках», «дурные мысли» и «нездоровый дух»? Одна эта мысль побуждает меня изгнать всех ученых-этиков, всех знатоков человеческого здоровья, всех литературных критиков, весь этот скот, за пределы Земли. О яростные вулканы Вест-Индии,

почему вы не обрушите свое пламя на головы этих животных?!

Я вспомнил, как О-Кину чистила для меня груши и приносила их в купальню, когда я был там один, как мы гуляли у горной реки вдвоем; вспомнил ее ласковый голос, ее невинную манеру держаться, ее улыбку и невольно ударил кулаком по столу, вскрикнув: «Завтра же утром еду!»

Кто же такая эта О-Кину? Не удивляйся, это не гейша и не продажная женщина, не студентка женской школы и не благородная девица с волосами, уложенными в прическу симада, не красавица и не уродина. Это обычная девушка, служанка в гостинице «Наканисия» на горячих источниках в Югаваре! Девушка, ради которой я взялся за перо, — простая прислуга! Девчонка, каких сотни в каждом селе! Деревенская девушка, для которой Одавара — большой город! Я познакомился с ней прошлым летом, когда после болезни, по совету врача из Красного Креста, два месяца прожил в Югаваре.

Утром четырнадцатого я собрался и выбежал из пансиона. На Гиндзе я купил воротничков, шпилек — всего, что может порадовать девушку, — и сел на поезд. До сего дня мне еще не случалось покупать воротничков в подарок женщине, но от одной мысли о том, как она будет счастлива все это получить, я и сам был вне себя от радости. О тщеславии! В мире так много людей, которые из тщеславия дарят подарки женщинам или не дарят из-за него же. Я же от всей души намерен был преподнести эти скромные дары своей сельской возлюбленной!

Ночной дождь кончился, но воздух был еще влажный, а по небу плыли облака. Больше всего я люблю путешествия в начале лета, и несколько раз уже отправлялся в дорогу именно в этот сезон, но какво путешествовать в такое радостное время, когда ты настолько счастлив, когда перед глазами проплывают сладкие радостные грезы, когда думаешь только о том, как сегодня вечером встретишься с возлюбленной и как погрузишься в чистый, прозрачный горячий источник!

Когда я сошел в Кофудзу, сквозь облака пробился солнечный свет, и покрытые молодой листвою горы, поля и леса словно засияли. Как это было красиво! Поезд бодро тронулся с места, и горы Хаконэ, такие знакомые, такие строгие, приближались, довлея над нами! Легкие мимолетные облачка проплывали над морем, летали чайки, разбивались о берег волны, и вдруг солнце скрылось за тучами! Легкая тень словно пролегла над полями и над морем, но через некоторое время снова прояснилось; в тот момент я, разумеется, не считал себя несчастным. Тогда я просто не мог быть пессимистом.

Приезжая в Одаварау, я всегда думаю о том, что хотел бы жить именно здесь. Старый замок, высокие горы, океан сливается с небом, вокруг густые леса — все здесь казалось мне будто сошедшим с картины и обретшим плоть, и неудивительно, что у меня возникло желание поселиться тут навсегда.

От Одаварау предстояло ехать на дрезине. Я хотел добраться до Югаварау поскорее и отказал себе в удовольствии провести полдня в любимом городе, поэтому, сойдя с поезда и пообедав, сразу же

пошел на дрезину. Когда я сел, мне казалось, что я уже почти на полпути к Югаваре. Дрезина ехала через городки на горячих источниках: Атами, Идзусан, Югавара — посему многим из тех, кто ездил в ту сторону, наверняка знакомо это чувство: достаточно сесть на дрезину, и все будет хорошо.

Дрезина быстро отъехала от Одавары. Я высунулся из окна и смотрел по сторонам. Время от времени раздавался мощный гудок, и вагончик скользил вниз по склону так, словно вот-вот взлетит. На небе не было ни облачка. Морской ветер задувал в окна. Я оглянулся: флажки городских гостиниц, подвешенные на шестах, белели, колыхаясь на ветру.

Повернув голову, я посмотрел вперед. Вдоль рельсов шли трое, явно деревенские, со стороны Одавары: раскрасневшаяся девушка, бледная пожилая женщина и сгорбленный, но крепкий на вид старик. Они остановились и посмотрели в сторону проезжающего вагончика, явно собираясь пропустить его. «Да это никак О-Кину!» — подумал я; вагончик помчался быстрее, и вот все трое оказались прямо перед его окнами.

— О-Кину-сан! — невольно крикнул я и помахал ей. О-Кину радостно улыбнулась, раскраснелась еще больше и поклонилась. Вагончик меж тем проехал мимо, и люди остались далеко позади.

Если бы в вагончике больше никого не было, я бы стал топтать ногами, подбрасывать шляпу в воздух, но, увидев, что напротив меня сидит серьезный немолодой человек, по виду чиновник, я просто уселся, сложив руки на груди.